Сентябрь 1942 г.

В коридоре военного трибунала на длинной скамье, на середине скамьи, сидит костистая старуха в добротной жакетке с кошачьим воротником. Милиционер, охраняющий ее, стоит в отдалении, точно не решаясь подойти к ней поближе. И даже подсудимые, которых будут судить здесь через час, не хотят сесть с ней рядом, предпочитая стоять у стены, переминаясь с ноги на ногу.
Одиноко сидит старуха в полутемном коридоре.
Наконец дверь открывается, и старуху вводят в судебный зал. Она щурится от солнечного света, шевелит сухими губами, обнажая желтые, сточенные временем клыки, и садится без приглашения. На голове у нее черный вязаный платок. Она хозяйственно, неторопливо развязывает его и ждет вопросов.
— А? Мое фамилие? Да вы ведь знаете, наверно. Аграфена Смирнова. Я же говорила уже…
Но ее спрашивают снова. И она снова рассказывает с удивительным хладнокровием, однотонно, как все это было. А было страшное преступление перед народом, перед родиной, в котором повинна Аграфена Смирнова.
У нее был дом, хороший дом. В нем поселились немецкие офицеры в первый же день, как ворвались в деревню Петрищево, что близ города Вереи. И дом этот сгорел после того, как в нем поселились немецкие офицеры.
Правда, не один этот дом сгорел. У Солнцева Ивана Егоровича тоже сгорела изба. И еще — у Кареловой. Во всех трех избах жили немцы. Их подожгла ночью девушка-партизанка, имя которой знает теперь весь мир.
А тогда никто не знал эту девушку. Немцы долго мучили ее, пытали, но не могли узнать даже, как звать ее. И только потом один партизан сказал нашим красноармейцам, что девушку эту зовут, кажется, Таней.
Девушку звали Зоя Космодемьянская.
После чудовищных издевательств немцы привели ее, истерзанную, измученную, в избу Василия Кулика.
Она упала на лавку. Ноги ее были обморожены, тело обезображено, на губах запеклась кровь.
— Бей ее, сказал немецкий офицер Ивану Солнцеву. — Она сожгла твою избу.
Иван Егорович Солнцев, старик-колхозник, русский человек, посмотрел на истерзанную русскую девушку и ничего не сказал. Тогда немцы позвали Аграфену Смирнову. И старуха в ярости ударила девушку. Ударила раз и другой. И замахнулась в третий раз, извергая паскудные ругательства. Но тут появилась русская женщина Прасковья Петрушина и телом своим загородила девушку.
— Не дам я тебе, старая змея, бить ее, — сказала Прасковья Петрушина.

Немецкий солдат прогнал Прасковью.
— Бей, — сказал немец Аграфене Смирновой. — Бей партизанку. Пусть она знает, как жечь дома.
Аграфена Смирнова схватила чугун с помоями и, ругаясь пакостно, ударила девушку чугуном так, что чугун раскололся. После она вышла на улицу и кричала:
— Эх, дали бы мне эту партизанку на полный мои суд, я б показала, как надо казнить.
Но немцы сами казнили Зою. В лютый мороз они вывели ее на окраину села, построили виселицу, согнали весь народ смотреть на казнь, привязали девушке на грудь бутылки с бензином, отобранные у нее, и доску с надписью «Зажигатель домов». И вот в тот момент, когда бесстрашная дочь великого народа, стоя под виселицей, произносила известные теперь всему миру последние свои огненные слова, старуха-палач, подлая старуха, снова появилась около нее. Она била палкой по ногам девушки и опять кричала паскудные слова.
Живы свидетели, слышавшие и видевшие это. Они прокляли жительницу своего села Аграфену Смирнову. Они же и привели ее в военный трибунал.
Она стоит перед трибуналом жмурится от солнца, шевелит губами, обнажая желтые, съеденные, сточенные временем клыки и, путаясь, дает показания.
— Не била я ее, гражданин судья. Поклёп на меня возводят. Не била я ее. Я только рукой в варежке ее ударила. И чугун был небольшой с помоями. Это, просто сказать, чугунок был средний. Я стояла около лавки, где лежала она, и я плакала над нею слезно. Очень жалко мне было.
— Кого ж вам жалко-то было? — спрашивает судья.
— Ну как кого? Дома же моего мне было жалко. Сгорел он, а как же…
И помолчав, она снова говорит о своем домике. Немец спалил у нас сотни деревень, развалил города, обездолил тысячи людей. Но не плачутся русские люди, советские люди, потерявшие свой кров и очаг. Они делаются только злее в великой битве с немцем. Они уверены, что вернут и кров, и очаги, и кровью требуют расплаты за кровь.
А тут стоит среди бела дня перед судом кулацкая дочь и льет крокодиловы слезы. И сквозь слезы эти то и дело причитает:
— Да кабы знали мы, гражданин судья. Не сведущи мы, неопытны, неграмотны.
— Чего кабы знали? — спрашивает судья.
— Да кабы знали, — опять говорит Аграфена Смирнова. И чего-то не договаривает.
— Кабы знали вы, — договаривает за нее судья, — кабы знали вы, что в Петрищево советская власть опять вернется, что немец будет выбит из Петрищева, так не делали бы пакостей таких. Так что ли?
— Да разве немца мы любим, — говорит подсудимая. — Немца мы презираем, гражданин судья. Немцем брезгуем мы. Мы ведь тоже русские люди.
И в этих последних словах заключена, может быть, самая главная ложь и клевета

Аграфены Смирновой.
Не только не советская, но и не русская она женщина, потому что мало родиться русским, надо остаться русским, надо каждому русскому доказать в великой войне свое право называться русским, принадлежать к героическому народу, рождающему таких бесстрашных и бессмертных дочерей, как Зоя Космодемьянская, Герой Советского Союза.

Павел Нилин
РГАСПИ Коллекция ЦА ВЛКСМ
Подлинник Машинопись.
Подпись — автограф П. Нилина